

---

---

---

М. С. ПЛИСЕЦКИЙ

## О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ НЕАНДЕРТАЛЬСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ

### 1. Общие замечания

В работе «Три источника и три составных части марксизма» В. И. Ленин заметил, что «Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»<sup>1</sup>.

В другом месте Ленин писал, что «только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грязного капиталистического корыстолюбия»<sup>2</sup>.

Ныне, когда в СССР завершено строительство социализма и начался постепенный переход к коммунизму, работа по очищению всех областей знания от грязного капиталистического корыстолюбия приняла невиданный до сих пор активный характер. Эта благородная работа осуществляется под непосредственным руководством великого зодчего коммунизма — И. В. Сталина и выразилась в ряде постановлений Центрального Комитета нашей партии по вопросам идеологии, в дискуссиях по философии, биологии, физиологии и языкознанию.

Опубликование в связи с последней дискуссией работ И. В. Сталина по вопросам языкознания составляет важнейший этап в дальнейшем развитии марксистско-ленинской теории и далеко выходит за границы собственно лингвистики. Эти работы непосредственно затрагивают также ряд вопросов, связанных с проблемой антропогенеза — возникновения в процессе труда звуковой речи и взаимоотношения сознания и речи. Эти вопросы уводят нас к начальным этапам становления человека и формирования его идеологии, в частности, поднимают вопрос об эпохе, когда возникли религиозные верования.

К сожалению, среди советских ученых отсутствует единство мнений по последнему вопросу. Больше того, некоторые из них некритически защищают занесенную с Запада теорию, согласно которой основные элементы современных религиозных верований существовали еще в эпоху раннего палеолита. Защитники этой теории считают, что уже неандертальцы имели представление о загробной жизни и воскресении из мертвых, что у них был развит культ предков, что у них бытовал культ животных и огня. По существу эта теория означает признание (вольное или невольное — все равно) извечности религии. История возникновения этой антинаучной реакционной теории заслуживает того, чтобы на ней остановиться.

### 2. Попытка обосновать теорию извечности религии

Вторая половина XIX в. ознаменовалась открытием ископаемых предков человека, составляющих связующее звено между современным чело-

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 3.

<sup>2</sup> Там же, т. 27, стр. 375.

веществом и животным миром. Одновременно мощное развитие получила первобытная археология. Эти успехи науки нанесли жестокий удар креационистскому представлению о неизменяемости природы человека и его общественного уклада. Успехи науки о человеке и его культуре превратились, таким образом, в угрозу для идеологической опоры капитализма. Недаром ученые и неученые апологеты капитализма и их союзники из церковного лагеря ринулись на борьбу против эволюционного учения, против идеи развития природы и общества. Вспомним, какую энергичную деятельность развил Рудольф Вирхов (1821—1902), пытаясь опорочить сперва найденную в Неандертале черепную крышку, а спустя некоторое время — находку Дюбуа костных остатков питекантропа.

Но все же в конце XIX в. отстаивание креационистского мировоззрения стало уже анахронизмом и сторонники этого мировоззрения терпели одно поражение за другим. Это заставило более дальновидных защитников реакции изменить тактику и попытаться иными методами задержать поступательный ход науки о человеке и его культуре. И вот среди антропологов и археологов все в большем и большем количестве начинают появляться ученые служители культа. В конце прошлого и начале текущего века в одной только Франции, бывшей ранее центром науки о человеке, появляется целая плеяда ученых аббатов — Бардон, Пара, братья Буиссони. К ним следует отнести и немецкого патера Обермайера, бывшего профессора Международного института палеонтологии человека в Париже. В области этнографии, первобытной истории и лингвистики законодателем становится небезызвестный патер Вильгельм Шмидт, а на фронте доисторической археологии появляется аббат Брейль, к мнению которого и теперь прислушивается весь буржуазный ученый мир.

Все они, стараясь не вступать в резкий конфликт с завоевавшим себе широкое признание эволюционным учением, пытались и пытаются доказать, что религия — неотъемлемая часть человеческого «духа», что дореволюционного периода в истории человечества никогда не было.

Одновременно ученые в сутанах стремятся воскресить старый антиэволюционный тезис Кювье «*L'homme fossile n'existe pas*» (не существует ископаемого человека, т. е. предшественника *Homo Sapiens*). Они утверждают, что неандертальцы не составляют особой стадии в эволюции человека, но являются лишь одной из рас современных людей, истребленной жившей одновременно с ней другой расой — кроманьонской. Даже люди шелльской эпохи, по мнению Обермайера, жили семьями и очень мало отличались от современных культурно отсталых народов.

Единомышленник Обермайера Е. Пфейффер уверяет, что шелльское общество делилось на низшие и высшие классы, что у последних имелись рабы; шелльцы обладали торговыми пунктами, где сбывали и приобретали свои каменные орудия труда. Ручные рубила — это орудия низшего класса. Представители высшего класса имели более совершенные орудия<sup>3</sup>.

Видный современный сравнительный анатом и палеоантрополог Марселен Буль в своем капитальном труде «Ископаемые люди» (последнее французское издание 1946 г.) полностью солидарен с Обермайером и уверяет, что неандертальцы не являются предшественниками современных людей, но представляют одну из вымерших рас.

Посмотрим, на какой фактический материал опираются сторонники теории извечности религии и какова его научная ценность.

### 3. Западноевропейские мустьерские погребения

В 1908 г. швейцарский торговец древностями Гаузер начал раскопки в нижнем гроте Ле-Мустье во Франции. Работы велись рабочими без

<sup>3</sup> См. E. Pfeiffer, *Die steinzeitliche Technik und ihre Bezeichnungen zur Gegenwart, ein Beitrag zur Geschichte der Arbeit*, Jena, 1912, стр. 44.

соблюдения каких-либо предосторожностей. Не удивительно, что конечности и некоторые части туловища, оказавшегося под верхним культурным слоем неандертальского скелета, были разрушены и выброшены вместе с породой. Когда это обнаружилось, работы были временно прекращены и через несколько месяцев возобновлены, причем в числе присутствовавших был и небезызвестный немецкий антрополог-антидарвинист и расист Клаач. Последний после осмотра сохранившейся части скелета определил, что он принадлежал неандертальскому юноше лет 16, который был похоронен в позе спящего: его раздавленный со смещенными частями череп, запрокинутый назад, лежал на локте правой руки, кисть которой находилась у затылка. Грудная часть скелета оказалась несколько повернутой книзу, спиной кверху так, что левое плечо приблизилось к нижней челюсти. Левая же рука оказалась вытянутой вдоль тела. Тут же были обнаружены типичное мустьерское ручное рубило и скребло.

Особое символическое значение Клаач и Гаузер придали обнаруженным под черепом несколькими кускам кремня и двум другим осколкам, лежавшим рядом, которые, по их предположению, были положены на нос трупа. До каких пределов вообще доходила фантазия Гаузера и Клаача при реконструкции трупа, можно судить по замечанию Обермайера, что по положению кремней «Гаузер думает даже вывести заключение о форме носа. Гаузер и Клаач,— пишет дальше Обермайер,— пытаются вообще вывести некоторые заключения относительно первоначальных форм мягких частей трупа из свободных промежутков между частями скелета и обломками кремня, но эта попытка, конечно, может вызвать только улыбку у тех, кто когда-либо занимался сам практически раскопками»<sup>4</sup>.

К этому надо добавить, что в гроте Ле-Мустье поблизости к скелету были обнаружены также кости некоторых животных, на которых охотились древнейшие обитатели этого грота. Это дало самому Обермайеру основание заявить, что эти кости «могут быть истолкованы как запас пищи, положенный ему (покойнику.— М. П.) в могилу»<sup>5</sup>.

Словом, как Гаузер и Клаач, так и Обермайер решили, что неандерталец, костные остатки которого оказались в гроте Ле-Мустье, был некогда похоронен при соблюдении определенного религиозного ритуала.

В том же 1908 г. французские аббаты Бардон и братья Буиссони обнаружили в пещере Буффия вблизи Шаппель-О-Сен скелет неандертальца лет 50, который лежал на спине в небольшом углублении (30 см). В гроте оказалось также большое количество мустьерских кремневых орудий — примерно 1000 штук. Возле захоронения найдены кусочки охры. Никаких явных следов искусственного захоронения не было обнаружено. Тем не менее ученые служители культа, раскопавшие скелет, объявили, что в пещере люди никогда не жили, что она будто бы служила лишь погребальным склепом и что время от времени в пещере устраивались поминальные пиршества, о чем можно, мол, судить по обнаруженным там многочисленным костям животных.

В 1909 г. французский археолог Пейрони в присутствии других археологов — Капитана, Картальяка, Брейля, братьев Буиссони и палеоантрополога Буля — раскопал в пещере Ля-Феррасси почти полный скелет человека неандертальского типа. Там же оказалось значительное количество типичных мустьерских орудий. Как установили упомянутые археологи, первоначально труп лежал на спине, причем его ноги были согнуты в коленях, левая рука вытянута вдоль тела, а правая сильно согнута в локте с приподнятым предплечьем. Никаких следов искусственно вырытой могильной ямы здесь не оказалось. Рядом с верхней частью скелета ле-

<sup>4</sup> Г. Обермайер, *Доисторический человек*, СПб., 1913, стр. 159.

<sup>5</sup> Там же.

жали плоские камни, о которых было высказано предположение, что они первоначально были положены покойнику на голову и плечи.

Было высказано также предположение, что покойник был сверху чем-то прикрыт — ветками деревьев или шкурами животных и поверх них — землей. Основанием для такого предположения послужило лишь то, что сохранился весь скелет за исключением правой стопы и правой кисти, которые, по предположению производивших раскопки, вероятно, торчали из-под укрытия и стали добычей какого-то хищника. Мы привели это предположение об искусственном укрытии покойника и о хищнике с тем, чтобы показать, какое нагромождение ничем не аргументированных предположений было создано вокруг нижнепалеолитических находок с целью обнаружить у неандертальцев следы погребального культа.

Неправдоподобность изложенной версии видна хотя бы из следующего: вполне понятно, что хищник мог полакомиться стопой и кистью, во всяком случае не позже, чем окончательно разложились связки, соединяющие отдельные кости, сохраняющиеся намного дольше, чем мускульная ткань. Но в таком случае уничтожение хищником стопы и кисти должно было привести к нарушению первоначального положения других костей скелета, с которыми последние соединены связками, а, как констатировали нашедшие скелет, последний не был потревожен.

В 1910 г. в гроте Ля-Феррасси Пейрони обнаружил еще один скелет, повидимому, принадлежавший неандертальской женщине. Скелет оказался с согнутыми к груди руками и приподнятыми коленями. И это положение костяка, как и обнаруженное тут же кремневое орудие, были истолкованы производившими раскопки как доказательство совершения над трупом похоронного обряда.

Впоследствии — в 1912, 1920 и 1921 гг. — в том же гроте Ля-Феррасси были раскопаны еще четыре детских неандертальских скелета, из которых в данном случае нас может интересовать лишь последний по счету, открытый в 1921 г. Этот скелет ребенка лет пяти лежал в приближающемся к треугольной форме углублении. Длина углубления 145 см, наибольшая ширина — 120 см, а наименьшая 40 см. Возле скелета лежала каменная плита, на которой оказались какие-то круглые углубления разного диаметра. Поодаль обнаружена вторая такая же каменная плита.

На данное погребение особенно часто ссылаются сторонники теории существования у неандертальцев погребального культа. Однако многие весьма компетентные ученые считают, что упомянутые так называемые «погребальные плиты» таковыми не являются, что они ничем не связаны с костяком ребенка и принадлежат значительно более поздней эпохе — ориньякской. Подобные каменные плиты довольно часто встречаются в памятниках ориньякской эпохи, и некоторые исследователи видят в них особые приспособления для добычи огня. В частности, такого мнения держится советский исследователь П. П. Ефименко<sup>6</sup>.

В описанном «погребении» не оказалось черепа. Он был обнаружен раздробленным в 125 см от костяка, причем нижняя челюсть вовсе отсутствовала. Пейрони высказал предположение, что труп неандертальского ребенка был обезглавлен для извлечения из его черепа мозга или, возможно, для какой-то религиозной обрядности.

Если первое предположение Пейрони более или менее вероятно, так как антропофагия в эпоху раннего палеолита может быть твердо установлена (Чжоу-коу-дянь, Крапина), то совершение над трупом или отдельно над черепом какой-либо культовой обрядности ничем не аргументируется. Размеры же и форма углубления, в котором был обнаружен скелет, явно свидетельствуют, что это не специально вырытая погребальная яма. Характерно, что скорченный скелет находился в самой узкой

<sup>6</sup> См. П. П. Ефименко, *Первобытное общество*, 2-е изд., 1938, стр. 293.

части ямы (40 см), в то время как остальное пространство ее оказалось свободным от скелетных остатков.

Заметим дополнительно, что в углублении, где лежал скелет неандертальского ребенка, были обнаружены следы красной охры. Следы такой же охры оказались и возле неандертальского скелета в пещере Буффия. И этот факт послужил доказательством того, что неандертальцы выполняли при похоронах какую-то обрядность. При этом высказывается широко распространенное предположение, что красный цвет, символизируя кровь, должен магически способствовать оживлению трупа. Словом, выходит, что неандертальцы верили в воскресение из мертвых.

Но нахождение охры на палеолитических стоянках может быть объяснено более просто и более правдоподобно. Хорошо известно, например, что тасманийцы в холодное время года смазывали свое тело животным жиром с примесью красной охры<sup>7</sup>. Поступали они так не из каких-либо религиозных соображений, но с целью сохранения естественной теплоты своего тела. Вполне законно думать, что и неандертальцы могли дойти до такого способа борьбы с холодом.

Факт нахождения вместе с палеолитическими скелетными остатками или поблизости к ним кремневых орудий, как мы могли убедиться, также используется в качестве аргумента в пользу наличия у неандертальцев религии.

Но и этот «аргумент» не выдерживает критики. На примере раскопок в гроте Ле-Мустье видно, как небрежно производились они в прошлом, в результате чего находимые при раскопках предметы могли быть легко перемещены с одного места на другое.

Впрочем, подобные случаи весьма возможны и без вмешательства человека. Г. А. Бонч-Осмоловский по этому поводу пишет: «Во многих работах по палеолиту, дающих более или менее детальное описание стоянок, неоднократно отмечалось, что в верхних почвенных горизонтах, а иногда и на дневной поверхности попадают отдельные кремневые осколки и орудия, происхождение которых из нижележащего палеолитического слоя, находящегося иногда на глубине 1—2 м, не вызывает сомнений... Объяснение этого наблюдения следует видеть в деятельности различного рода мелких роющих животных. Как известно, грызуны и кроты прокладывают свои норы на большую глубину, до 2—3 м. Всю почву из норы, вместе со всеми попавшимися на дороге твердыми предметами, они, как правило, выбрасывают на поверхность. Происходящие при этом в течение многих тысячелетий перемещения твердых предметов наверх могут быть очень значительны, и каждому исследователю приходится учитывать подобного рода возможности»<sup>8</sup>.

В той же работе Бонч-Осмоловский приводит пример, когда через образующуюся со временем щель могут попасть предметы из верхнего в нижний горизонт<sup>9</sup>.

Во время раскопок Г. П. Сосновским погребения тагарской культуры близ улуса Орак в 1929 г. в самом верхнем слое на глубине примерно 30—40 см был обнаружен череп без челюсти. При дальнейшей раскопке на глубине 125—130 см оказался в каменном ящике хорошо сохранившийся скелет с нижней челюстью того самого черепа, который был найден в верхнем слое могильника. Участникам экспедиции, в том числе М. М. Герасимову, удалось проследить путь выноса черепа снизу наверх

<sup>7</sup> См. статью А. Б. Пиотровского «Тасманийцы», «Советская этнография», 1933, № 3—4.

<sup>8</sup> Г. А. Бонч-Осмоловский, Палеолит Крыма, вып. I. Грот Клик-Коба, стр. 31. О том же см. М. В. Воеводский и А. Е. Алихова-Воеводская, Авдеевская палеолитическая стоянка, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXXI, 1950, стр. 8.

<sup>9</sup> Г. А. Бонч-Осмоловский, Указ. соч. стр. 35.

сурком. Затылочная часть черепа оказалась разрушенной, причем на кости хорошо видны следы зубов грызуна.

Но ждать объективного учета подобных явлений от идеалистически мыслящих ученых, конечно, не приходится. Будучи уверены в том, что в истории человечества не было дореволюционного периода, или желая уверить в этом других, они выискивают и используют любой мнимый повод для доказательства своей правоты.

Примером таких мнимых «доказательств» может служить известная находка двух раннепалеолитических костяков из Спи (Бельгия, 1887). Оба скелета неполные, причем череп одного из них оказался разбитым примерно на 40 кусков. Но, как писал Обермайер об одном из этих костяков, «*казалось, что он лежал на правом боку и был обращен головою к востоку, ногами к западу; одна рука покоилась на нижней челюсти. И здесь кости были рассеяны и отчасти разбиты на куски, равно как и череп*»<sup>10</sup>.

Ни орудий труда, ни костей животных вместе со скелетами в Спи не обнаружено. Но Обермайеру *казалось*, что этот скелет лежал на боку головой к востоку и ногами к западу. И это послужило достаточным основанием для следующего категорического заявления: «Мы имеем здесь без сомнения скелеты людей, нарочно погребенных»<sup>11</sup>. Нам думается, что будь установлено, что не один, а оба скелета лежали не на правом, а на левом боку или на спине, с головой, обращенной не к востоку, а к западу, северу или югу, Обермайер имел бы столько же оснований утверждать, что над трупами при их погребении совершались религиозные обряды.

И, действительно, скелеты, о которых до сих пор шла речь, обнаружены в самых различных позах: лежащими на боку и на спине, с согнутыми и вытянутыми конечностями, ориентированные в самые разные стороны. Но это не помешало Обермайеру и его единомышленникам утверждать в каждом отдельном случае, что именно данная поза костяка служит доказательством того, что когда-то над трупом совершалась какая-то обрядность.

Заслуживает внимания следующее: после того, как в Китае были обнаружены костные остатки синантропов, туда поспешил аббат Брейль. Несмотря на признание абсолютным большинством наиболее компетентных ученых (Вейнерт, Грдличка), что синантропы составляют соединительное звено между питекантропом и неандертальцами, Брейль все же сделал попытку полностью оторвать синантропа как от питекантропа, так и от неандертальцев. Учитывая, что вместе с костными остатками синантропов обнаружено большое количество каменных орудий труда и следы огня, Брейль не стал противиться очевидным фактам и согласился, что в лице синантропа мы имеем примитивного человека. Но, заявил он, синантропы не только не занимают среднего места между питекантропом и неандертальцами, но их следует отнести к третичному периоду, в то время как питекантроп и неандертальцы жили в четвертичном периоде. Мало того, Брейль сделал также попытку приписать синантропам развитые анимистические представления. Только на основании того, что в пещере в Чжоу-коу-дянь оказалось большое скопление костей синантропов, Брейль пришел к заключению, что синантропы сохраняли останки своих родственников из религиозных соображений. При этом Брейль сослался на то, что подобные обычаи до сих пор бытуют у некоторых малокультурных народов. Надо согласиться с П. П. Ефименко, считающим эту «странную гипотезу» Брейля совершенно невероятной<sup>12</sup>.

<sup>10</sup> Г. Обермайер, Указ. раб., стр. 166 (разрядка наша.— М. П.).

<sup>11</sup> Там же, стр. 166 (разрядка наша.— М. П.).

<sup>12</sup> См. П. П. Ефименко, Указ. соч., стр. 134.

Попытка Брейля подорвать эволюционное учение и увековечить религию — типичное явление для науки всего капиталистического мира. Правда, не всегда методы фальсификации науки носят такой грубый характер, как у Брейля. Но от этого дело не меняется. Важно то, что, как отметил В. И. Ленин, «общественное положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала»<sup>13</sup>.

#### 4. Погребение в гроте Киик-Коба

Еще не так давно результаты любых исследований западноевропейских ученых принимались у нас на веру как «последнее слово науки». В качестве примера остановимся на двух специальных исследованиях — Г. А. Бонч-Осмоловского и А. П. Окладникова, посвященных найденным ими неандертальским находкам, и на некоторых работах В. К. Никольского, широко пропагандирующего теорию наличия религии в эпоху раннего палеолита.

Бонч-Осмоловский (1890—1944) обнаружил в 1924 г. в гроте Киик-Коба в Крыму части скелета взрослого неандертальца, а в стороне от этой находки — плохо сохранившийся скелет ребенка в возрасте около одного года.

Первоначально, как пишет автор находки, дно пещеры представляло твердую скалистую породу. Но с течением времени оно покрылось наносом рыхлой породы в общей сложности толщиной в 60 см. По мнению Бонч-Осмоловского, взрослый неандерталец был похоронен в то время, когда скалистое дно пещеры уже покрылось рыхлым наносным слоем, который, возможно, был «не менее мощным, чем в настоящее время»<sup>14</sup>.

По определению Бонч-Осмоловского, погребальная яма взрослого неандертальца имела 140 см в длину и 80 см в ширину. Но глубина ямы не ограничивалась 60 см рыхлого слоя. Она была выдолблена еще глубже в скалистом дне пещеры примерно на 30 см. Когда рыхлый слой в пещере был снят до скалистого основания, яма представляла собой углубление с неровным дном длиной в 210 и шириной около 80 см, причем в обоих концах она суживалась. В одном конце этого углубления и находились кости обеих стоп и правая берцовая кость, которые почти все лежали в «анатомическом положении». Об углублении в скалистом дне пещеры Бонч-Осмоловский пишет:

«По форме могильная яма в известной степени соответствует общим очертаниям человеческого тела. Она глубже и шире в наиболее выступающих частях тела и мельче у конечностей... Когда после извлечения костей и зачистки ямы в нее лег для примерки один из сотрудников подходящего роста, то он мог удобно лежать только в том положении, в каком должен был в ней находиться и труп». Разумеется, добавляет автор, что соответствие между формой тела и ямой «объясняется не какими-либо ритуальными соображениями, а простой технической необходимостью. В условиях крайне примитивной техники выдалбливание подобной ямы требовало настолько большой затраты энергии, что углубление ее производилось с максимальной экономией, т. е. только в тех местах, где оно было необходимо для захоронения»<sup>15</sup>.

Изложенное вызывает ряд недоумений.

<sup>13</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 129.

<sup>14</sup> Г. А. Бонч-Осмоловский, Указ. соч., стр. 147.

<sup>15</sup> Там же

Зачем требовалось затрачивать так много энергии для выдалбливания каменного дна грота для того, чтобы углубить могильную яму более чем на 60 см? Ведь уже известные неандертальские костяки (Ле-Мустье, Шаппель-О-Сен, Ля-Феррасси, Спи и др.) были обнаружены в углублениях, не превышающих 25—30 см, или же просто лежали на дне гротов.

Если яма в скалистом дне грота действительно является продолжением ямы, выкопанной в рыхлом культурном слое, то почему она не соответствует размеру последней, а на 70 см длиннее ее (210 см)? Крайне трудно представить себе, чтобы мустьерские люди, не имея никаких других орудий труда, кроме палок и небольших кусков кремня, могли выдолбить яму в каменистом дне грота. Еще более удивляет, что углубление это значительно увеличено в сравнении с верхней ее частью. Это нелегко сделать и современному человеку, вооруженному лопатой и киркой. Да и нужды в удлинении ямы не было, так же как не было нужды в ее углублении. Надо иметь в виду, что средний рост взрослого неандертальского мужчины был равен примерно 150 см, а в согнутом в коленях положении не превышал длины верхней части ямы, т. е. 140 см.

Крайне странное несовпадение длины верхней и нижней части ямы может быть разрешено лишь в том случае, если признать, что «захоронение» было произведено в ту пору, когда верхнего культурного слоя еще не существовало. Но тогда следует признать, что киик-кобинцы жили в домустьерскую эпоху. Так действительно рассматривают эту находку некоторые исследователи, и такого мнения первоначально держался и Бонч-Осмоловский. Впоследствии, однако, он изменил свое мнение о находке и отнес ее к мустьерскому времени, когда, как он полагает, уже существовал шестидесятисантиметровый культурный покров скалистого дна пещеры. Но в таком случае необходимо объяснить несоответствие длины верхней и нижней частей ямы. Совершенно непонятно, почему Бонч-Осмоловский обошел молчанием этот вопрос.

Бонч-Осмоловский обращает внимание на то, что погребение находилось в центре грота Киик-Коба, чему он придает какое-то символическое значение. Но с таким же «правом» можно символизировать любое другое место грота. Характерно, что большинство неандертальских погребений было обнаружено не в центральных частях гротов, но от этого их трактовка не меняется. Отметим, в частности, что погребение в пещере Тешик-Таш, о которой речь будет впереди, было обнаружено не в центре, а в глубине грота, у стены.

Несостоятельны также рассуждения Бонч-Осмоловского относительно неравномерного распределения по площади грота обнаруженных там костей животных. Как пишет автор, их оказалось значительно больше в центре и меньше на периферии. И это послужило автору косвенным доказательством культового характера погребения. Но неравномерное распределение костей вполне естественно, так как именно в центре грота вблизи очага должны были чаще концентрироваться палеолитические обитатели Киик-Коба, здесь они поедали мясо и тут же бросали объедки.

Бонч-Осмоловский предупреждает о необходимости осторожного подхода при археологических исследованиях<sup>16</sup>. К сожалению, эту правильную мысль он сам игнорирует, когда стремится во что бы то ни стало доказать, что погребение из грота Киик-Коба носит культовый характер и что оно «является несомненным доказательством весьма раннего возникновения культа мертвых и связанных с ним религиозных представле-

<sup>16</sup> См. Г. А. Бонч-Осмоловский, Указ. соч., стр. 36 и 143.

ний»<sup>17</sup>. Бонч-Осмоловский в этом настолько уверен, что считал возможным только на основе одной найденной берцовой кости и костей двух стоп реконструировать при помощи М. М. Герасимова весь скелет, придать ему позу спящего на правом боку и даже положить ему руку под череп<sup>18</sup>.

## 5. Тешик-Таш

Особого разбора заслуживает работа А. П. Окладникова о мустьерской стоянке и погребении неандертальца в гроте Тешик-Таш в горной долине р. Ширабад, в горах Байсун-Тау<sup>19</sup>.

В этой работе А. П. Окладников допустил очень серьезную ошибку, приписав неандертальцам сложнейшие религиозные представления. В этом вопросе он не только солидарен с Бонч-Осмоловским, но ушел значительно дальше его.

Что же представляет собой тешик-ташская находка?

Как известно, А. П. Окладников обнаружил в 1938 г. в гроте Тешик-Таш в горной долине р. Ширабад, в горах Байсун-Тау остатки костяка неандертальского ребенка лет 8—9. В гроте, помимо того, было найдено значительное количество примитивно обработанных каменных орудий мустьерского типа и много костей животных, в том числе рога горных козлов.

Из всей массы фрагментов рогов горных козлов Окладников выделил пять пар, которые, по его мнению, были расположены по кругу, внутри которого находился скелет тешик-ташского ребенка.

«Все эти рога,— пишет Окладников,— располагались первоначально парами. Три пары рогов сохранились почти целиком и в таком положении, как были оставлены мустьерскими людьми.

Одна пара рогов сохранила естественную связь при помощи куска черепной кости, прочно соединявшего их вместе «вилкой», как на черепе живого козла. Самое замечательное в ее положении было при этом то, что они помещались не горизонтально, как это наблюдалось во всех случаях на других участках грота, а почти вертикально — вверх основанием, а остриями вниз. При этом нижние концы рогов были на уровне черепа человека»<sup>20</sup>.

По этой паре рогов А. П. Окладников реконструировал оказавшиеся поблизости два разрозненных рога старого козла, лежавшие почти в перпендикулярном друг к другу положении.

Поблизости к второй паре рогов лежала третья пара, так же, как и первая пара, скрепленная у основания.

Дальше по кругу лежал череп и некоторые другие кости скелета неандертальского ребенка. Поодаль без всякой связи между собой находились три небольших фрагмента козлиных рогов. Наконец, еще дальше от этих фрагментов обнаружен был еще меньший обломок рога.

Вблизи площадки, на которой оказались рога и остатки скелета неандертальского ребенка, найдены были следы огня. Вот все, что дало Окладникову основание высказать следующее весьма ответственное предположение:

<sup>17</sup> См. Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 148.

<sup>18</sup> См. Г. А. Бонч-Осмоловский, Палеолит Крыма, вып. 2, 1941, вклейка к стр. 6.

<sup>19</sup> А. П. Окладников, Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия), Сборн. «Тешик-Таш», Палеолитический человек, Труды Ин-та антропологии Моск. ун-та. 1949.

<sup>20</sup> Там же, стр. 33—34.

1. Обнаруженные кости неандертальского ребенка представляют собой преднамеренное захоронение.

2. Рога козлов тесно связаны с захоронением неандертальского ребенка.

3. Не исключено, что и огонь вблизи козлиных рогов связан с выполнением какого-то ритуального похоронного обряда.

Впрочем, предположение Окладникова базируется не столько на обнаруженных им в гроте Тешик-Таш объектах, сколько на том безусловном для него, положении, что неандертальцы вообще погребали своих мертвецов. В качестве доказательства он приводит уже известные нам неандертальские находки из Ле-Мустье, Шапелль-О-Сен, Ля-Феррасси, Спи, Киик-Коба и некоторые другие.

А. П. Окладников пишет:

«С какими именно общими представлениями и идеями было связано это стремление (сохранить тела умерших.— М. П.), какой смысл имело обыкновение хоронить умерших в то отдаленное время, конечно, уверенно судить нельзя, об этом можно только догадываться»<sup>21</sup>.

И Окладников делает такие, граничащие с фантазией, догадки.

Наличие значительного количества детских костей в мустьерских памятниках «дает право утверждать, что судьба тела умерших детей интересовала мустьерских людей не меньше, если не больше, чем участь взрослых покойников».

В позднейшее время у различных отсталых народностей наблюдалось как раз такое же особое отношение к похоронам детей, связанное с мыслью о возрождении и возвращении детей обратно в среду живых. В кругу этих идей заключается и вера в особую роль очага, «хозяйка» которого хранит души умерших детей и возвращает их обратно для возрождения...»<sup>22</sup>

Дальше Окладников останавливается на находках, обнаруженных в двух альпийских гротах — Петерсхеле и Драхенлох.

Что представляют собой эти находки?

В пещере Петерсхеле (Бавария), открытой в 1926 г., оказалось большое скопление костей животных, главным образом черепов и длинных костей медведей, которые лежали в естественных нишах (вымоинах).

Еще раньше в 1917 г. была открыта пещера Драхенлох в швейцарских Альпах (кантон Сен-Галле) на высоте около 2,5 тыс. м над уровнем моря. В пещере оказалась очажная яма, выложенная кусками известняка и покрытая каменной плитой. В двух задних частях пещеры на расстоянии примерно полуметра от стен были сложены из камней стенки высотой 0,8 м. Пространства между последними и стенами пещер образовали своеобразные закрома, которые оказались заполненными костями пещерного медведя, главным образом черепами и длинными костями конечностей. Кроме того, было обнаружено шесть грубо сложенных из камней «ящичков», также заполненных черепами и костями пещерных медведей. Черепа медведей лежали и в естественных нишах пещеры. Один из черепов оказался окруженным камнями. В пещере оказались также каменные и костяные орудия раннего мустье.

По поводу открытых пещер высказано много разноречивых мнений. Некоторые авторы считают, что здесь налицо памятник культа животных. Такого же мнения держится и А. П. Окладников. Он утверждает, что нахождение в гроте Тешик-Таш поблизости костных остатков неандертальского мальчика козлиных рогов также свидетельствует о том, что у среднеазиатских неандертальцев бытовал культ животных.

<sup>21</sup> Там же, стр. 76 (разрядка наша.— М. П.).

<sup>22</sup> Там же, стр. 77 (разрядка наша.— М. П.).

Однако некоторые авторы, даже признающие наличие у мустьерцев зачатков культа, в то же время отвергают возможность видеть в находках из Петерсхеле и Драхенлох следы какой-либо культовой обрядности. П. П. Ефименко, например, категорически отвергает возможность видеть в медвежьих костях, обнаруженных в пещерах Драхенлох и Петерсхеле, признаки медвежьего культа. Он привел весьма убедительный материал в пользу того, что в данном районе медведи представляли основной объект охоты палеолитических людей и что в упомянутых пещерах, без сомнения, хранились запасы мяса, особенно в зимнее время<sup>23</sup>.

Скопление костей животных одного вида встречается и на некоторых других нижнепалеолитических стоянках. Так, на стоянке Ля-Микок обнаружен огромный запас костей лошадей. Даже такой крайний защитник теории извечности религии, как Обермайер, отвергает возможность видеть в находке на стоянке Ля-Микок следы культа. По его мнению, большое скопление костей на этой стоянке «доказывает, что здесь долгое время жили охотники на диких лошадей,— они накопляли остатки своей пищи в колоссальном количестве вокруг своих очагов...»<sup>24</sup>.

По мнению же А. П. Окладникова, «трудно согласиться с предположением, что в гротах Петерсхеле и Драхенлох находились простые хранилища для пищевых запасов... Гораздо вероятнее,— пишет он,— видеть в отмеченных находках отражение тех же, в общем, идей, которые вызвали впоследствии в Сибири и Северной Америке развитие сложной обрядности «медвежьих праздников» и обычай заботливо погребать останки убитых животных, в особенности же их головы, наблюдающийся у многих наиболее отсталых охотничьих племен земного шара.

У этих племен похороны зверей имеют основой веру во вторичное рождение и в возвращение убитого животного.

Аналогичные представления, вероятно, лежали в основе мустьерского «культа мертвых» и столь определенно выраженного в археологических находках, вплоть до находки в гроте Тешик-Таш, стремления... сохранить тело мертвого сочлена человеческой орды»<sup>25</sup>.

И дальше: «Глубокое и сложное переплетение древнейшего мустьерского «культа» мертвых с «культом» животных особенно ярко засвидетельствовано находками в гроте Тешик-Таш, где кости ребенка оказались окруженными козлиными рогами...»

«В связи с этим следует отметить, что вплоть до настоящего времени в горах Средней Азии прослеживается особое отношение к горному козлу, сохраняются следы старинного архаического культа козла»<sup>26</sup>.

А. П. Окладников находит также в тешик-ташской находке следы культа огня и культа солнца, как огня небесного.

Итак, по мнению Окладникова, «в мустьерских памятниках так или иначе отражаются хорошо знакомые нам по этнографической современности разнообразные идеи, связанные ныне с культом мертвых, животных, огня и, вероятно, солнца, как небесного огня. Культ солнца, при этом, может находиться в связи с часто недооцениваемой ролью огня в истории первобытного человечества»<sup>27</sup>.

Так далеко в своих предположениях в связи с неандертальскими находками не доходил еще ни один исследователь.

<sup>23</sup> См. П. П. Ефименко, Указ. соч., стр. 274, 277.

<sup>24</sup> См. Г. Обермайер, Указ. соч., стр. 143.

<sup>25</sup> А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 77 (разрядка наша.— М. П.).

<sup>26</sup> Там же, стр. 78.

<sup>27</sup> Там же, стр. 80.

\* \* \*

В чем основная ошибка А. П. Окладникова?

В первую очередь ошибочным является применяемый им метод. Окладников, как мы видели, только на основании расположения нескольких фрагментов козлиных рогов вблизи скелета неандертальского ребенка и сомнительного сравнительного материала, связанного с другими неандертальскими находками, некритически пришел к мысли, что тешик-ташская находка представляет собой преднамеренное захоронение, связанное с культом горного козла. Далее: одно только нахождение вблизи козлиных рогов следов огня дало Окладникову повод для утверждения, что у неандертальцев был развит культ огня земного и небесного. Наконец, на основании этих смелых догадок Окладников построил сверхгипотезу о связи религиозных представлений неандертальцев с религиозными верованиями современных народов. При всем положительном отношении к гипотезам как к двигателям науки нельзя, однако, согласиться, чтобы нагромождение одной гипотезы на другую способно было приблизить нас к истине.

Анализируя работу А. П. Окладникова, нетрудно убедиться, что у него нет реальных оснований для столь смелых гипотез и что подлинным их источником является лишь убеждение в том, что у неандертальцев существовал погребальный культ.

Рассмотрим фактический материал, приводимый А. П. Окладниковым в его работе. Прежде всего, о козлиных рогах.

По свидетельству В. И. Громовой, в гроте Тешик-Таш было обнаружено 907 костей млекопитающих, из них 761 кость горных козлов, в том числе несколько десятков фрагментов рогов этих животных<sup>28</sup>. Из такого большого количества фрагментов рогов, рассеянных по гроту, пожалуй, нетрудно выбрать пять-шесть пар, которые составят не только круг, но и любую другую геометрическую фигуру.

Но даже те пять пар рогов, о которых пишет Окладников, отнюдь не составляют круга, внутри которого, согласно реконструкции автора, должно было находиться погребение неандертальского ребенка. Если действительно первая, третья и, возможно, вторая пара составляют дугу величиной примерно несколько более одной трети воображаемого круга, то нет никакого основания утверждать, что несколько небольших кусков рогов, расположенных против первых трех пар, некогда составляли две или три пары рогов, замыкавших воображаемый круг. Это только предположение, которое ничем не может быть подтверждено.

Если действительно рога козлов некогда составляли круг, внутри которого находилось неандертальское погребение, то, надо думать, что оба острых конца каждой пары рогов должны были быть одинаково ориентированы к центру круга. В действительности же только первая пара рогов ориентирована в направлении к центру.

А. П. Окладников находит, что рога «располагались в плане попарно и по кругу, притом так, что острые концы их были обращены к черепу, как к центру»<sup>29</sup>. Но, во-первых, череп находится не внутри воображаемого круга, а, как отмечалось выше, на его периферии между третьей и предполагаемой четвертой парой рогов. Во-вторых, только первая пара рогов, будучи ориентирована в направлении к центру, в то же время обращена к черепу, поскольку эта пара рогов и череп находятся на диаметрально противоположных сторонах воображаемого круга. Вторая и третья пары рогов занимают различное положение и не ориентированы ни на центр круга, ни на череп.

<sup>28</sup> В. И. Громова, Плейстоценовая фауна млекопитающих из грота Тешик-Таш, Сборн. «Тешик-Таш», 1949, стр. 98.

<sup>29</sup> А. П. Окладников, Указ раб., стр. 38.

Ничем не обосновано стремление автора связать следы огня с погребением и воображаемым кругом из козлиных рогов. Гораздо проще и естественнее видеть в костре обычную принадлежность всякого грота, в котором временно или длительно жили древние люди.

Из изложенного следует, что попытка сконструировать из найденных в гроте Тешик-Таш козлиных рогов круг с целью доказать наличие в Средней Азии в эпоху мустье культа животных и астрального культа не имеет под собой реального обоснования.

Да и само неандертальское погребение таковым в действительности не является. А. П. Окладников пишет, что череп неандертальского ребенка «лежал в самом основании культурного слоя, но на небольшой глубине, всего лишь в 25 см от поверхности»<sup>30</sup>. В этом же культурном слое залежали и кости животных, в частности фрагменты рогов и кремневые орудия. Они оказались погребенными в результате обвала потолка грота и выветривания породы в течение многих десятков тысячелетий<sup>31</sup>. Но в таком случае нет основания говорить, что неандертальский ребенок был нарочито захоронен, тем более, что никакого даже намека на погребальную яму мы в данном случае не имеем.

Но если костные остатки неандертальского ребенка не носят на себе следов погребения, то не остается места для всей сложной гипотезы о том, что тешик-ташским обитателям был знаком культ предков, культ животных и культ огня.

И А. П. Окладников затрачивает много усилий, чтобы доказать, что неандертальский ребенок был в свое время нарочито похоронен.

В первоначальной публикации и выводах о раскопке грота Тешик-Таш А. П. Окладников не решался еще утверждать, что налицо имеется искусственное захоронение. Он предполагал, что труп был слегка заброшен землею и разными отбросами, скопившимися на полу грота — жилища<sup>32</sup>. В основной же своей работе, посвященной гроту Тешик-Таш, которую мы ранее цитировали, А. П. Окладников уже увереннее пишет, что «покойник был захоронен в небольшом, нарочито устроенном углублении, в особой могильной яме»<sup>33</sup>. При этом он признает, что в гроте абсолютно никаких следов искусственно вырытой ямы не было обнаружено и что поводом для такого предположения является лишь то, что кости неандертальского ребенка находились под культурным слоем. Но в таком случае следует признать, что кости животных, в частности рога кииков, и каменные орудия, обнаруженные в гроте, были также нарочито кем-то погребены, так как многие из них находились на одном горизонте с костями неандертальца.

В качестве другого соображения в пользу того, что труп неандертальца был преднамеренно захоронен, Окладников приводит следующее рассуждение: кости животных, обнаруженные в том же культурном слое, что и костные остатки неандертальского ребенка, «оказались мелко раздробленными, повидимому, не только людьми, но и глыбами камней, падавших сверху, со свода грота. Кости ребенка расколоты и раздроблены так не были. Их, несомненно, с самого начала предохранял слой земли...»<sup>34</sup>.

<sup>30</sup> А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 32.

<sup>31</sup> А. П. Окладников определяет древность тешик-ташского захоронения примерно в 30 тыс. лет. В настоящее время ведущими четвертичниками СССР (В. И. Громов и др.) древность на земле человека современного вида определяется примерно в 100 тыс. лет, а неандертальца — намного больше.

<sup>32</sup> А. П. Окладников, Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии, «Советская археология», VI, 1940.

<sup>33</sup> А. П. Окладников, Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, стр. 37.

<sup>34</sup> Там же.

Но и это, «несомненно», надумано.

А. П. Окладников признает, что кости животных раздроблялись и людьми и обвалами, в то время как кости неандертальского ребенка могли раздробляться только падавшими с потолка грота камнями. Это дает нам основание считать, что как скелет неандертальского ребенка, так и кости животных ничем не были прикрыты и имели одинаковые шансы быть раздробленными и погребенными. Недаром и кости ребенка оказались раздробленными. В частности, как пишет А. П. Окладников, «череп был раздавлен и сплюснен землей, так что все его части лежали почти в одной плоскости, сохраняя, однако, естественную взаимную связь»<sup>35</sup>. По свидетельству М. М. Герасимова, реставрированный им череп ребенка из Тешик-Таша состоял примерно из 150 кусков.

Но, пожалуй, лучшим доказательством того, что покойник не был захоронен в яме, служит тот факт, что его труп растерзал какой-то хищник. А. П. Окладников пишет: «Захороненный в гроте труп ребенка был, несомненно, потревожен каким-то небольшим хищным животным. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что эпифизы на всех без исключения длинных костях оказались уничтоженными; кроме того, на концах трубчатых костей отчетливо видны характерные углубления — следы острых зубов хищника... На месте сохранилась только часть костей: одна плечевая кость, обломки большой берцовой, две малых берцовых, несколько ребер, первый шейный позвонок, обе ключицы и, исключительно полно, череп с нижней челюстью»<sup>36</sup>.

Но то обстоятельство, что как потревоженные и объединенные хищником, так и нетронутые кости обнаружены были на одном уровне, неопровержимо свидетельствует, что труп неандертальского ребенка не был похоронен в специально вырытой яме. О том же говорит и то, что между ребрами костяка ребенка был обнаружен копролит какого-то животного, возможно хищника, растерзавшего труп.

Заслуживает внимания и следующее: как известно, всякое преднамеренное культовое захоронение предполагает продолжение «загробной жизни». Если допустить возможность проведения параллели между идеологией неандертальцев и современных культурно отсталых народностей (а по Окладникову это вполне допустимо), то обращает внимание, что последние, как правило, кладут в могилу своим покойникам орудия труда, украшения и предметы личного обихода. Характерно, что с целью доказать, что неандертальцы имели представление о загробной жизни, все сторонники извечности религии, в случае нахождения рядом с погребениями орудий труда, указывают на них как на «неопровержимое» доказательство своей правоты. Но вместе с тешик-ташским скелетом не обнаружено ни одного орудия труда, в то время как в данном гроте их оказалось достаточно много — около 340 и, кроме того, свыше 2500 кремневых отщепов<sup>37</sup>.

Таким образом, и факт отсутствия орудий труда рядом со скелетом неандертальского ребенка должен также, пожалуй, свидетельствовать о том, что в данном случае нет основания говорить о преднамеренном захоронении.

Итак, анализ археологического и палеантропологического материала не дает основания полагать, что неандертальцы погребали своих мертвецов и при этом выполняли какую-то обрядность.

Из известных нам примерно 30 мустьерских стоянок, обнаруженных в странах Старого Света и содержавших костные остатки неандертальцев, только в пяти-шести из них оказались углубления, которые,

<sup>35</sup> Там же, стр. 32.

<sup>36</sup> Там же, стр. 37.

<sup>37</sup> Там же, стр. 55.

по нашему мнению, не являются погребальными ямами, о чем свидетельствует их небольшая глубина — 25—30 см и излишне большие габариты. Углубление, например, в пещере Буффия имело 100 см в ширину, а нижняя часть ямы в Киик-Коба — 210 см в длину.

Особый интерес представляет грот Ля-Феррасси. Там, как нам уже известно, в разное время были обнаружены два взрослых и четыре детских костяка, из которых только один (четвертый по счету) детский костяк находился в углублении. Но величина (145 см) и треугольная форма этого углубления говорят о том, что это не была специально вырытая погребальная яма.

Утверждение некоторых авторов, что неандертальцы придавали своим мертвецам позу спящих, также не согласуется с фактическими данными, как можно было убедиться из приведенного нами материала. Не только в разных районах ареала расселения неандертальцев, но даже в пределах одной и той же пещеры неандертальские костяки оказались лежащими в разных положениях, например, в пещере Ля-Феррасси.

Что же представляют собой углубления на дне гротов и под навесами скал, где в некоторых случаях обнаружены костные останки мустьерцев?

Хотя с абсолютной достоверностью на этот вопрос трудно дать четкий ответ, тем не менее следует считать, что такие углубления могли образоваться естественным путем вследствие часто встречаемых в каменной породе разной величины «раковин», заполненных мягкой выветрившейся породой. В частности, о таких «раковинах», обнаруженных в гроте Киик-Коба, сообщает Бонч-Осмоловский.

Вполне допустимо, что раковистые углубления могли быть приспособлены в качестве «спальных ям», причем использование их многими поколениями могло привести к увеличению их размеров и сглаживанию неровностей.

## 6. Массовая пропаганда несостоятельной теории

Теория о том, что религия в виде тотемизма, культа предков и представления о «загробной жизни» уже существовала в эпоху раннего палеолита, проникла и в советскую научно-популярную литературу и стала предметом пропаганды среди широких масс, чему в первую очередь способствовал В. К. Никольский. На эту тему он опубликовал ряд работ, из которых коснемся только трех, вышедших из печати в период 1949—1950 гг.<sup>38</sup>

В. К. Никольский утверждает, что между питекантропом, гейдельбергерцем и синантропом, с одной стороны, и неандертальцами, с другой, — лежит глубокая пропасть. Он уверяет, что питекантроп, как и его предшественники — дриопитеки, — был «существом древолазящим, не окончательно перешедшим к наземному образу жизни»<sup>39</sup>.

Подобное представление о питекантропе противоречит данным палеантропологии и учению Энгельса о роли труда в процессе очеловечения обезьяны. Как известно, Энгельс считал, что только после перехода наших предков — обезьян к наземному образу жизни и прямохождению создались условия для очеловечения. Южноафриканские находки прямоходящих наземных форм высших приматов — австралопитеков

<sup>38</sup> В. К. Никольский; Происхождение религии, второе исправл. изд., Госкультпросветиздат, 1949, 88 стр.; Детство человечества, второе исправл. и дополн. изд., Госкультпросветиздат, 1950, 155 стр.; Начало религии, Ученые записки Моск. обл. педагогич. ин-та, т. XIV, вып. 1, 1950.

<sup>39</sup> В. К. Никольский, Детство человечества, стр. 40

(собственно австралопитек, плезиантроп, парантроп, прометеус) — лучшее подтверждение мысли Энгельса.

Только обезьяночеловеческую стадию в эволюции гоминид В. К. Никольский считает дорелигиозным периодом в истории человечества.

«Их (питекантропа и синантропа.— М. П.) мозг,— пишет В. К. Никольский,— не был еще достаточно развит для того, чтобы у них могли выработаться отвлеченные понятия, а значит и для того, чтобы у них могла появиться религия»<sup>40</sup>.

В отличие от обезьянолюдей В. К. Никольский рисует неандертальцев «настоящими людьми». По его мнению, неандертальцы жили не более 50 тыс. лет назад. Неандертальцы были «искусными и смелыми охотниками»<sup>41</sup>. Для поимки крупных животных неандертальцы рыли ловчие ямы<sup>42</sup>. Они рубили своими каменными орудиями деревья для постройки землянок<sup>43</sup>. Неандертальцы «изобрели одежду»<sup>44</sup>, «приготовляли кожаные шилья»<sup>45</sup> и украшения<sup>46</sup>.

Эта надуманная картина, не подтверждаемая ни одним археологическим памятником (кроме того, что неандертальцы были охотниками), понадобилась, повидимому, В. К. Никольскому, чтобы приписать неандертальцам высокоразвитое сознание. Мы видели, что, по Никольскому, обезьянолюди не знали религии именно потому, что их примитивный мозг не способен был выработать отвлеченные понятия. У неандертальцев же В. К. Никольский находит тотемизм и погребальный культ. В. К. Никольский считает даже возможным проводить аналогию между верованиями неандертальцев и современных «дикарей». Касаясь, например, скелетов медвежьих костей в пещерах Петерсхеле и Драхенлох, он вслед за А. П. Окладниковым пишет: «У многих сохранившихся до настоящего времени племен дикарей существует обычай складывать в особое место медвежьих черепа с колдовской целью... В обращении неандертальцев с человеческими трупами и звериными костями как будто воплотилась та же фантазия дикарей о бессмертной жизни и людей и животных. Это фантазия о сверхъестественном, следовательно, религиозная». И дальше, имея в виду тешик-ташскую находку, В. К. Никольский заявляет: «Советской археологии удалось найти окончательное подтверждение вероятности наличия религиозных представлений у неандертальцев»<sup>47</sup>.

Впрочем, по вопросу о религиозности неандертальцев у В. К. Никольского имеется и второе, менее категорическое мнение. Он пишет: «Мы не в праве утверждать, что у неандертальцев уже наверное существовала вера в какой-то сверхъестественный и загробный мир...»<sup>48</sup> И дальше, как бы забыв о своей же прежней трактовке обнаруженных в пещерах Драхенлох и Петерсхеле костях животных как о свидетельстве наличия религии у неандертальцев, В. К. Никольский заявляет: «...возможно также, что и медвежьи кости складывались не с колдовской, а с продовольственной целью. Эти находки свидетельствуют и о том, что у неандертальцев могли иногда, например, в результате удачной охоты, появляться кое-какие, случайные, конечно, запасы пищи»<sup>49</sup>.

<sup>40</sup> Там же, стр. 56.

<sup>41</sup> В. К. Никольский, Происхождение религии, стр. 11.

<sup>42</sup> В. К. Никольский, Детство человечества, стр. 47.

<sup>43</sup> Там же, стр. 47. Заметим кстати, что в другом месте сам В. К. Никольский указывает на исключительную трудность рубки деревьев даже при помощи неолитических топоров. Чтобы срубить одно дерево, южноамериканские индейцы, например, затрачивали «две луны» («Происхождение религии», стр. 24).

<sup>44</sup> Там же, стр. 59.

<sup>45</sup> Там же, стр. 63.

<sup>46</sup> В. К. Никольский, Происхождение религии, стр. 12.

<sup>47</sup> Там же, стр. 12—13.

<sup>48</sup> В. К. Никольский, Детство человечества, стр. 59.

<sup>49</sup> Там же

В третьей работе «Начало религии», являющейся последней по времени издания, В. К. Никольский снова занял позицию крайнего защитника теории наличия у неандертальцев религии. Поводом для этого ему послужила публикация об открытой Бланком в 1939 г. пещере Гуаттари в Италии<sup>50</sup>. Эта пещера находится на морском берегу примерно в 100 км к югу от Рима и состоит из трех отделений. В первых двух, размером приблизительно в 20 м<sup>2</sup> каждое, было обнаружено огромное количество костей: быков и оленей, главным образом черепов и рогов. В третьем отделении, помимо костей тех же животных, был также найден череп неандертальца и несколько мустьерских каменных орудий (скребла и острокопечники). Череп оказался разбитым, в частности в области большого затылочного отверстия, как думает автор находки Бланк; с целью извлечения мозга. Вокруг черепа лежали камни, напоминая ограждение.

О находке в пещере Гуаттари В. К. Никольский пишет:

«Около неандертальского черепа в пещере Гуаттари не лежало никаких приношений, он не был прикрыт землей,— следовательно, здесь не было погребения в полном смысле этого слова. Не найдено нигде в пещере остатков скелета, которому принадлежал череп. Но как помещение этого черепа в темный задний закоулок пещеры, где не жили люди, так и окружение его камнями согласно свидетельствуют, что в обществе неандертальцев зародилась фантазия, будто человек продолжал жить и после своего трагического конца, при том внушая страх тому, кто съел его мозг. Таким образом, у неандертальцев из пещеры Гуаттари имелась в отношении убитого человека такая же фантазия, какая в пещерах Драхенлох и Петерсхеле у мустьерцев об убитых пещерных медведях.

Следовательно, в пещере Гуаттари уцелел памятник магии охоты на людей или примитивной войны, соответствующий памятникам охотничьей магии в пещерах Драхенлох и Петерсхеле»<sup>51</sup>.

В качестве иллюстрации той легкости, с какой некоторые ученые, подобно В. К. Никольскому, делают поспешные и весьма ответственные выводы по вопросу о погребальном культе у неандертальцев, укажем на следующее: обнаруженный в пещере Гуаттари неандертальский череп оказался почерневшим. На этом основании известный французский антрополог Валуа решил, что над черепом был совершен какой-то религиозный обряд, связанный с копчением или поджариванием его на огне.

<sup>50</sup> Первая часть названной работы В. К. Никольского посвящена обзору уже известных нам так называемых неандертальских погребений и находок костей пещерного медведя в пещерах Драхенлох и Петерсхеле, причем В. К. Никольский целиком и полностью солидарен с авторами, рассматривающими эти находки как достоверные свидетельства о том, что в эпоху мустье бытовал тотемизм и погребальный культ. Правда, В. К. Никольский признает, что имеются исследователи, фальсифицирующие факты с целью во что бы то ни стало доказать, что в эпоху раннего палеолита практиковался погребальный культ, что у древнейших людей существовала религия. «Особенно,— пишет он,— злоупотребляет в этом отношении немецкий поповствующий археолог Трауниц-Гельвиц» («Начало религии», стр. 70).

Этим В. К. Никольский, повидимому, имеет в виду сказать, что поповствующий исследователь не может быть объективным. Но тогда странно, почему В. К. Никольский нигде ни словом не упоминает о том, что те авторы, на исследования которых он опирается,— Буйссони, Бардон, Пейрони и некоторые другие,— служители культа, что Клаач—реакционер, антидарвинист. Больше того, В. К. Никольский признает, что Обермайер и Брейль, будучи представителями реакционного католического духовенства, пытаются примирить науку с религией. Тем не менее он находит возможным заметить, что эти ученые—«люди, серьезно занимающиеся изучением ископаемого человека и его культуры» («Детство человечества», стр. 17—18).

В работе «Детство человечества» В. К. Никольский даже приводит высказывание Брейля о синантропе, чем он будто бы «очень помог подлинной, то есть материалистической науке» (стр. 24). С действительной же «материалистической» позицией Брейля мы уже имели возможность познакомиться выше.

<sup>51</sup> В. К. Никольский, Начало религии, стр. 73.

Однако через год автор находки Бланк доказал, что почернение найденного черепа произошло вследствие влияния морских солей в результате того, что пещера неоднократно затоплялась<sup>52</sup>.

Еще одно, с виду незначительное, но весьма важное замечание: в пещере Гуаттари обнаружены не только кости быков и оленей, но и их копролиты. Они с несомненностью свидетельствуют о том, что когда-то в пещеру попадали живые животные. Были ли эти больные животные, скрывавшиеся в пещере и там погибавшие естественной смертью, попадали ли в пещеру животные, преследуемые охотниками или хищными зверями,— об этом можно только гадать. Но, во всяком случае, связывать находимые в пещере кости животных с культом, по нашему мнению, нет никакого основания.

Что касается неандертальского черепа, то и он не дает основания говорить о религиозном культе. Весьма возможно, что его обладатель оказался жертвой людоедства и череп был брошен после того, как из него был извлечен мозг.

Что касается обнаруженных вокруг черепа камней, то об этом можно сделать много разных предположений. Но достоверность их будет отнюдь не бóльшая, чем гипотеза, приписывающая неандертальцам веру в загробную жизнь.

## 7. Пора изменить неверное представление о неандертальцах

Неправильное представление о неандертальцах как о существах, отличных от обезьянолюдей,— это пережиток тех времен, когда палеантропология и первобытная археология находились еще в состоянии детства.

Как известно, Дюбуа (1859—1940), доказавший в конце прошлого века существование обезьянолюдей, не обнаружил у питекантропа ни орудий труда, ни огня. Когда в 1907 г. была найдена гейдельбергская челюсть, вместе с ней также не оказалось орудий труда и следов огня. Вполне понятно поэтому, что об обезьяночеловеке сложилось мнение, как о начальной переходной ступени от обезьяны к человеку, более близкой к животным, чем к людям.

Иное представление сложилось о неандертальцах. Еще задолго до открытия костных остатков питекантропа и гейдельбергской челюсти было обнаружено значительное количество стоянок, на которых оказались не только костные остатки неандертальцев, но также многочисленные орудия их труда и следы огня — зола и обугленные кости животных, на которых они охотились. Невольно укрепилось мнение, что в отличие от питекантропа и гейдельбержца неандертальцы были древнейшими людьми. До недавнего времени считали, что между обезьянолюдьми и неандертальцами существует огромная пропасть.

Открытие в тридцатых годах текущего века остатков синантропов резко меняет прежнее представление об обезьянолюдях, поскольку вместе с костными остатками синантропов найдено большое количество грубо обработанных каменных и отчасти костяных орудий труда. Там же оказались зола и обугленные кости. Это говорит о том, что между обезьянолюдьми и неандертальцами вовсе нет такого разрыва, как думали раньше, что, следовательно, нет основания относить их к качественно разным стадиям эволюции человека.

Свою работу «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны» Энгельс написал в 1876 г., за пятнадцать лет до того, как были обна-

<sup>52</sup> Там же, стр. 72.

ружены костные остатки питекантропа. Что касается неандертальских находок, то хотя их уже имелось тогда несколько — габрадарская (1848), собственно неандертальская (1856), Ля-Нолетт (1866), но они еще не были достаточно изучены. Энгельс, следовательно, не имел возможности опереться на палеантропологический материал, подтверждающий происхождение человека от обезьяны. Тем не менее учение Энгельса об эволюции человека, изложенное в названном произведении, полностью отвечает современному уровню знания. Энгельс считал, что связующее звено между обезьяной и человеком составляли «формировавшиеся люди», которые дали начало «готовым людям»<sup>53</sup>. Мы имеем все основания считать обезьянолюдей и неандертальцев «формирующимися людьми», а к «готовым людям» отнести человека современного типа.

Деление эволюции человека на три стадии — обезьяночеловеческую, неандертальскую и кроманьонскую — в настоящее время не оправдывается ни теоретическим, ни фактическим материалом. Да и деление эпохи палеолита на три стадии (нижний, средний и поздний палеолит) носит искусственный характер. ~~Более~~ правильно делить эпоху палеолита на две стадии — нижний (ранний) и верхний (поздний) палеолит, соответствующие двум стадиям эволюции человека. И в социальном отношении обезьяно-люди и неандертальцы составляли одно целое — человеческое стадо. Лишь с появлением готового человека возник вдобавок еще новый элемент — общество.

Крайне трудно себе представить, чтобы «формировавшимся людям», только выделившимся из мира животных, с их зачаточной техникой и стадным образом жизни, было свойственно абстрактное мышление, без которого невозможно представление об анимизме, тотемизме и прочих элементах религиозной идеологии. Это дает нам основание полагать, что весь период формирования людей, охватывающий всю эпоху нижнего палеолита, был периодом дорелигиозным и что религиозные верования возникли лишь в эпоху верхнего палеолита, когда возникли готовый человек и человеческое общество.

### Заключение

Может возникнуть вопрос: не дает ли настоящая работа сторонникам религиозно-идеалистического миропонимания возможность утверждать, что религия — высшее достижение человеческого духа? Ведь до тех пор, пока не возник «готовый человек», пока он был еще связан с животным миром, религии не было, и только с возникновением «человека разумного» возникла и религия. Нельзя ли из этого сделать вывод, что религия неотделима от человека так же, как и его высокоразвитое сознание? А раз так, то не значит ли, что отказ от религии равносителен принижению человека до уровня наших далеких предков, еще не успевших окончательно выделиться из мира животных?

Подобное рассуждение в лучшем случае наивно.

Опасаться, что тот или иной установленный наукой факт способен укрепить позиции сторонников идеализма, нет основания, потому что наука находится в содружестве с диалектико-материалистическим миропониманием и противоречит всем проявлениям идеализма. И тот факт, что религия возникает на сравнительно высокой стадии общественного развития, вовсе не говорит о том, что она — положительное явление.

В истории человечества, помимо религии, имелось немало других отрицательных явлений. Прогрессивное общественное развитие, напри-

<sup>53</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 456, 458.

мер, связано с возникновением классового общества, которое принесло с собой эксплуатацию и угнетение человека человеком. На высшей стадии развития классового общества родился империализм, причинивший и причиняющий человечеству неисчислимые беды — усиление колониального и наемного рабства, кровопролитные войны, чудовищные разрушения и уничтожение культурных ценностей, созданных усилиями многих поколений, нищету, голод и мучения людям труда. Такова диалектика общественного развития.

Но все эти отрицательные явления преходящи. Важно то, что в самом человеческом обществе заложена потенция беспредельного развития, ведущего нас через рабство и угнетение, через изуверство и империалистический разбой к счастливому будущему, к бесклассовому обществу, к коммунизму.

Все наше прошлое — только предистория. Собственно же человеческая история началась лишь теперь, после победы Великой Октябрьской социалистической революции в СССР.

Вступив в начальную фазу своей истории, социалистический человек активно освобождается от всех пережитков своей предистории, в том числе и от религиозных предрассудков. Нашей целью и было хотя в некоторой мере содействовать этому великому освободительному делу.